

Р 556
4

ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ

№ 44 (154)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОСКВА, НОЯБРЬ 1925 г.

Цена 12 коп.

КРОКОДИЛ

Рис Ив. Малютина.

- Зерно ты хорошее вынес, да цена вот у тебя невыносимая.
- Так это же на вывоз, товарищ Каменев!
- Нет, брат, при такой цене хозяйства не вывезешь!

ПАРТДЕНЬ УГРЮМЫЧЕВА.

I.

Оживление работы прошло в завком, проникло на общее собрание, заглянуло в клуб, зашло, по дороге, к делегатам и профуполномоченным, сделало еще несколько крупных шагов вперед — и остановилось перед закрытой дверью.

На двери была надпись:

«Ячейка РКП(б)».

— Зайти аль даром?..—подумало оживление.

И постановило:

— Воздержусь. И распоряжения такого не было, и бюро не высказывалось. А секретарь тут серьезный: во-как расподдаст,—назад пятками вылетешь! Пойти—сходить лучше на производственную комиссию...

Так до ячейки оживление и не дошло.

II.

Угрюмычев, секретарь ячейки, перед партийным собранием зашел домой. Вошел он тихо-спокойно, никого не трогая, но у жены его почему-то сразу потускнели глаза, а две стойкие, выдержанные, пережившие много осенних невзгод мухи внезапно приказали долго жить.

Угрюмычев сел, строго посмотрел по сторонам, затем встал и постучал кулаком в стенку.

— Трогают тебя люди?..—неодобрительно спросила жена.

Угрюмычев сказал:

— Небось, перестала, сволочь! Партийный день нынче, а она тут серенады будет разыгрывать!..

— Да ведь она, во-первых, беспартийная...

— Лахудра,—определил Угрюмычев. — А партийную за это из партии надо гнать. Железной метлой таких! В 18 году показал бы я ей серенаду!..

— Как же бы ты показал, когда в 18 году ты еще правым эсером был?—удивилась жена.

Угрюмычев оставил вопрос без ответа.

— Может, с'ешь что-нибудь перед ячейкой?—предложила жена.—Опять затянется у вас до ночи...

Угрюмычев сказал:

— Небось, не сдохну. В 19 году не очень-то ели перед ячейками! Отличнейшим образом обходились.

И, подумав, добавил:

— А ты, конечно, ешь. Я никому ничего не навязываю. И каждый, конечно, может относиться к партийным обязанностям по-своему... Только зачем тогда, вообще, в партии быть, не понимаю!

— И я ничего не понимаю. Какой-то ты..

— Какой?

— Такой. Молоко вон свернулось от тебя!

Угрюмычев язвительно усмехнулся.

— А что ж мне: в партийный день, перед ячейкой, фокстрот начать вытанцовывать?.. Так нас этому не обучали. Хотя, конечно, другие могут делать все, что

им нравится: какое мне дело? Только таких железной метлой надо!..

III.

В семь часов вечера Угрюмычев объявил закрытое собрание ячейки открытым, выбрался в председатели, огласил повестку и перешел к порядку дня:

— Возражений нет дополнений и изменений принимает-ся. Слово для доклада о...

— Двенадцать же вопросов!.. — робко прозвучал из задних рядов одинокий голос.—Товарищи, да мы ж и до двух часов ночи не справимся!

Угрюмычев строго оглядел все ряды, выдержал зловещую паузу—и сказал:

— Тут раздался несознательный возглас, свидетельствующий о проникшем разложении. Предлагаю заклеить позором, товарищи! В 18—19-м году мы на фронтах и не до двух часов ночи сидели, а теперь, если бюро найдет нужным, то и до четырех просидим. Если подобные настроения повторятся, то после собрания не разойдемся, а будем два часа петь Интернационал! Потому что нужно выжигать с корнем!.. Товарищ докладчик, начинайте.

В середине доклада, когда начались покашливания, докладчик сострил насчет «барматанья» барматовских социал-демократов.

— Гы-и-и!..—нерешительно отозвалось собрание.

Угрюмычев позвонил и сказал:

— Одну минутку. Предупреждаю, товарищи, что мы сюда собрались не смеяться, а для выполнения партийных обязанностей! Эти смешки-шуточки считаю совершенно неуместными! Особенно надо поставить на вид т. докладчику, который является достаточно сознательным, но я обращаюсь и ко всем. Товарищ Рыбкина продолжает улыбаться: ну, это, конечно, ее дело... Некоторым, может быть, хотелось бы фокс трот танцевать, но таких надо железной метлой!.. Продолжайте, т. докладчик.

IV.

Собрание закончилось к 12, потому что прений ни по каким вопросам не было.

Выйдя на улицу, Угрюмычев сообразил:

— Еще на трамвай можно поспеть...

И ощупал в кармане бесплатный трамвайный талон.

Но затем рассудил:

— В 19-м году обходились и без трамваев. Если на трамваях ездить, то никакой трудности не будет партийные собрания посещать. Это что ж: сел да приехал!.. Этак-то каждый!

Ити было далеко. Стояла оттепель. Бил в лицо мокрый снег.

Угрюмычев шагал, пыхтел и думал:

— Надо бы партийные собрания по воскресеньям назначать, часиков в пять утра. Опаздывающих — железной метлой! Тогда знали бы! А так, как теперь,—это что ж!.. Это и каждый беспартийный согласится притти...

V.

У товарищей может возникнуть недоумение:

— Оживление-то при чем же тут? Которое не дошло? Дело тут не в оживлении и не в омертвлении, а в секретаре...

Да. В секретаре. Но если бы и до нашей ячейки дошло оживление, то кто ж бы выбрал такого в секретари?

Грамен.

Рис. К. Ротова.

Сельские перевыборы—это сортировка (Из чьей-то речи).

— Между прочим—ничего,—поднес к глазам рюмку Иван Петрович.—Не довоенное, конечно, а ничего...

— Ничего?—с горечью в голосе спросил хозяин комнаты, Сергей Семенович:—по-вашему, все—ничего. А промежду тем, отмечаете даже при вашем легкомыслии, что не довоенное. С заграницей же и не сравнить. Вот в этом и корень.

— Ежели до корня добраться, оно, конечно, а так—что ж? Плохого не скажешь... Вещь вообще бестелесная, видимость, а...

— Дрянь! — решительно заявил Сергей Семенович. — вот за границей—это да! А у нас что?!

— За границей—еще бы. На том стоят. Намедни, читал я в газетке,—в Америке, в штате Нью-Джерсей, стекло небьющее придумали, для кабаков, надо думать, специально. Его вдарить, стекло-то, а оно—хучь бы хны! Дошли же люди!

— Вот. А вы говорите! Это—качество! А у нас?!? Не угодно ли полюбоваться!!

Сергей Семенович встал из-за стола, твердо направился к окну. Внезапно раздался лязг, пронзительный звон и в комнату ворвался клоком ваты морозный пар.

— Чтой-то?!—околпело спросил Иван Петрович.

— Качество наше!! Видали? Чуть тронул, можно сказать, а она, подлая, на мелкие звиздулячки! Как не было! Что вы на это скажете? В Нью-Джерсее-то небось... Эх!

Он с горя махнул рукой и сел за стол. В разбитое окно пахло северным полюсом и помойной ямой более умеренного климата. Ясно, что подобная комбинация совсем не располагала в свою пользу.

— А амбре-то какое, чувствуете? Небось, в Нью-Джерсее в самые морозы распахнешь окно, а из него, как из печки! И пахнет лориганом котиним...

— Кошечкой-то и тут пахнет!—робко заметил, ежась от холода, Иван Петрович.

— То-то и есть, что кошечкой! Как нашей рассейской кошкой дыхнет, будто в ноздрю полено осиновое загоняют! А у них—от кошек духами! По три червя маленький пузырь котиный продают. Вот это—кошка, это качество... А у нас—мрак!

Под унылое молчание, наступившее вслед за провозглашенным мраком, разбитое окно старательно охлаждало комнату. Сергей Семенович передернул плечами и, слабо выругавшись, пошел к вешалке за пальто.

— Вот!—ворчал он, с трудом влезая в рукава:—тоже, демисезон! Цена ему—грош, а берут пятьдесят рубликов. Третьего дня как одну копейку отдал! Ишь, подлое...

Послышался какой-то зловещий треск, и Сергей Семенович торжествующе вылетел на середину комнаты.

— Ага, брат! Видал-миндал?

Правая пода пальто висела от кармана книзу длинным свиным ухом. Нагло торчала вата и волос...

— Продукция, язви ее под колено!—ехидно просипел Сергей Семенович:—заграничная пальто гвоздь бы выдержала из стены, а она—накося!

— Однако же, Сергей Семенович, гвоздь-то выдержал?—робко спросил Иван Петрович.

— Гвоздь! Мало чего гвоздь выдержит? Довоенный гвоздь-то! Еще мой отец, царствие ему небесное, своими руками заколачивал. А пальто—нонешнее. А нешто может нонешнее пальто против довоенного гвоздя выдержать? Довоенное-то было—добро, а ноне—дерьмо. И все тут...

Сергей Семенович оглянулся и стал нервно снимать башмак.

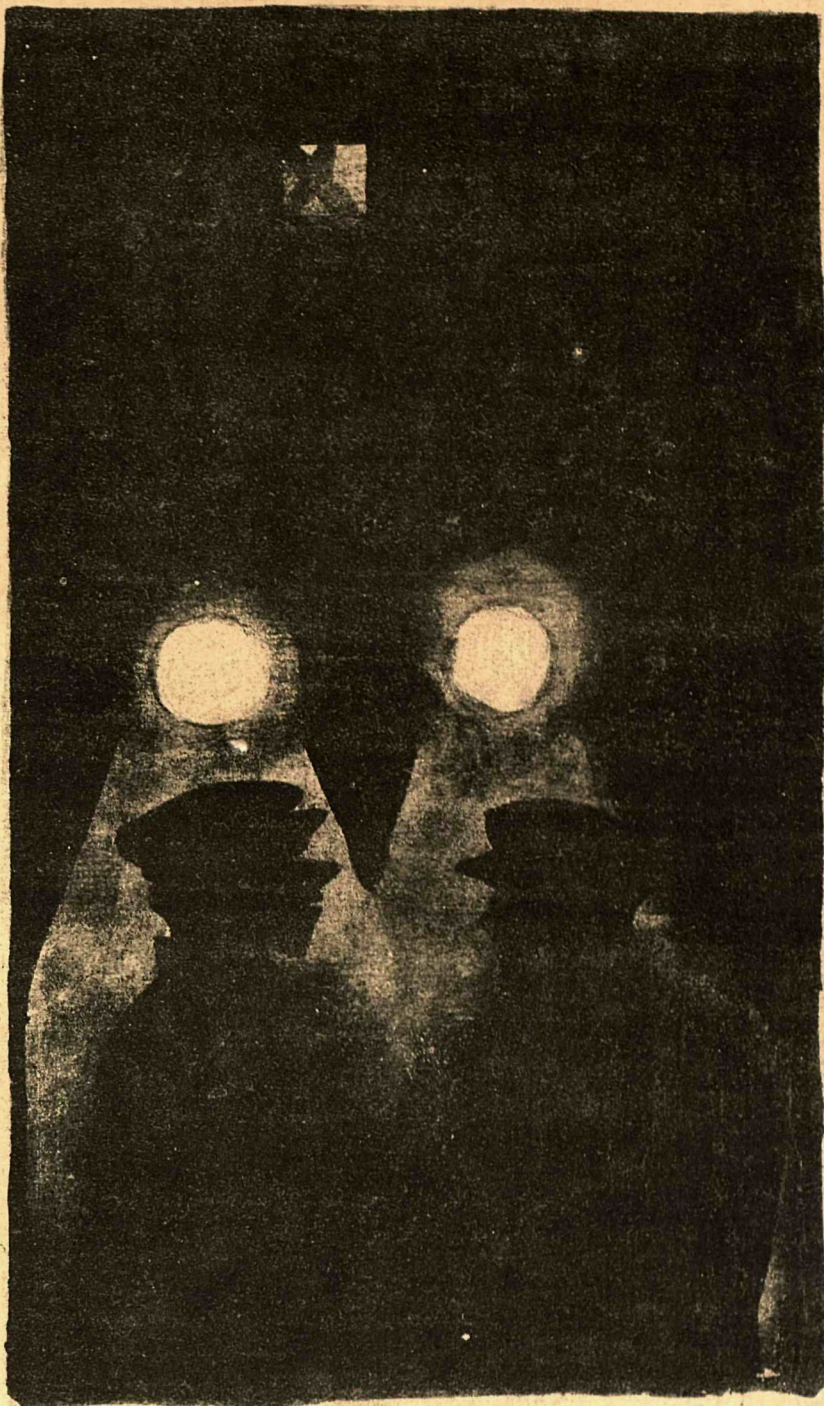
— И все тут!—бормотал он, поглядывая по сторонам:—и куда ж он, холера, забельшился... Утром еще здесь где-то был... Ага, вот он...

«Он», за которым Сергей Семенович ползком добрался под кровать, оказался довольно обыкновенным топором.

— Обратите внимание! Довоенный топор и нонешний башмак. Что из этого получается?!

Хрясь! И от башмака начисто отлетел нос.

— Во-от! А в Америке, в штате Небраска, изобретена обувь из жеванной бумаги. Сносу нет и фасона не теряет. Нешто ее топором уколупнешь? Писали в газете, один профессор тамошний под поезд башмаки клал, по новым стоковамшись,—хучь бы тебе царпинка!

— У этих автобусов так фонари устроены, что до тех пор не разберешь, какой номер едет, покуда он тебя не задавит.

Гость испуганно дрожал: то ли разбитое во славу нью-джерсеевской продукции окно на него холоду нагнало, то ли гибель продукции отечественной. А хозяин мрачно сбрасывал со стола посуду, топтал осколки ногами и приговаривал:

— Продукция! Советская! Хрустит только, чорт... Небось, в штате-то не такая посуда. Ее ногой а она хучь бы что...

Иван Петрович бочком направился к двери.

— Посиди еще. Рано, чай. Сколько времени-то?

Вытащил из кармана часы, посмотрел на крышку и резвым движением шваркнул об стенку. Жалобно позвякивая, покатались колесики, льдинками упали стекляшки.

— Вот те и время! Лига тоже называется! Покойник отец парня одного часами карманными по голове прислонил, так парень ходить перестал, а часы—хучь бы что! Еще ходчей пошли! А это...

Иван Петрович захватил пальто и, опасаясь не то хозяина, не то довоенного гвоздя, вышел одеваться на улицу. Вслед ему послышался нсвый грохот какого-то столкновения довоенной продукции с современной, решенного, видимо, не в пользу последней...

...На утро Иван Петрович увидел Сергея Семеновича на службе. Вид у него был мрачный, правая нога была в ботинке, левая—в валенке. Ни в какие разговоры он не вступал.

Вл. Павлов.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛОХАНКА. СОМНИТЕЛЬНАЯ ГРАММАТИКА.

В 8-й книжке «Красной Нови» некий Федор Жиц подвергает «деловой критике» стихотворения Жарова:

Многие из стихов Жарова не до конца проработаны. Торопливы, неряшливы. Плохая образность сочетается в них нередко с сомнительной грамматикой и синтаксисом».

По-нашему, по-неуче ному, синтаксис—часть грамматики. Из слов же ученого критика Жица явствует, что синтаксис—сам по себе, а грамматика—тоже сама по себе.

Не будем спорить. Только дозволейте доложить: грамматика, которая без синтаксиса,—очень сомнительная грамматика, легкого поведения грамматика. Вот, посмотрите, что разделяет она под руководством Федора Жица, давшего ей развод и освобождение от тиранин синтаксиса:

«Это и не поэзия,—пишет Жиц о стихотворении Жарова,—и не публицистика. Хуже и того, и другого. Из ста поэтов—девятью девятью не найдут здесь поэ-

зии. Из ста рабочих—девятью девятью не сразу поймут смысла».

Из ста грамотных людей все сто поймут, что синтаксис здесь и не ночевал. И грамматика поэтому выглядит плохо: много хуже, чем у Жарова. Там она, по свидетельству Жица, сочетается все-таки с какой-то образностью. Здесь и этого нет: совсем безобразно получается!

Конечно,—не всем же быть вполне грамотными. Это так. Бывают и не вполне грамотные, и совсем безграмотные люди. Но про таких людей никак нельзя сказать:

— Им и книги в руки!

Н.

РЕЧЬ НА ПРЕДВЫБОРНОМ СОБРАНИИ.

— Товарищ, я тоже поддерживаю кандидатуру тов. Михеева в предзавкомы. Парень он работающий. Хороший. Одним словом, что надо. И я уверен, что вполне справится со своей работой. Сам он уж пятый год, как у станка, а до этого был на фронте. Так что на него надеяться можно. К тому же, он на работе совсем измотался. Гляньте-ка на него, какой он бледный и худой. Так что опять-таки говорю, что надо его выбрать предзавкомом. Надо-ж дать человеку хоть немножко отдохнуть!..

Б. Л.

РОМАН.

Порнография просачивается в нашу литературу.

(„Правда“, ст. „Пошляки литературы“).

Сучков Иван
Писал роман
В эпоху Николая.
Его герой —
Граф Буриной,
А героиня — Майя.
Фонарь... Камин... Ковер... Софа...
Для порнографии лафа.
Граф, сняв свои подтяжки,
Мял шелк ее рубашки.

Сучков Иван
Былой роман
Вновь пишет очень гладко:
Его Лука —
Весь «от станка»,
«Она» вся — делегатка.
Плакат... Портрет... Верстак... Кровать...
И... порнография опять:
Он, мощный в каждом взмахе,
Мнет холст ее рубахи..

Но сонм читательский узнал
Под раб-гарниром... Майю
И раздражительно сказал:
— Пошли вы к... Николаю!..

М. Андр.

ИТОГИ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

Рис. А. Радакова.

После Локарно.

Рис. Ю. Ганфа.

МАКДОНАЛЬД:—Всякий культурный человек после грязного дела должен умыть руки.

СООБРАЗИТЕЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ.

Предвик Савелий Кулаков сидел, угрюмо опустив голову, и думал вслух. Жиденький секретарь с раскосыми глазами молча и подобострастно слушал мысли Кулакова. И карандашик в его сухих пальцах словно готовился все время что-то записать.

Предвик сердито басил:

— Так, значит... Значит, хотя теперь из нас с тобой сделать два нуля. Был—предвик, был—секретарь, а теперь—раз ноль и два ноль. Я так понимаю.

Секретарский карандашик грустно и старательно начертил на бумаге два больших нуля. А Кулаков продолжал:

— Конечно, легко им там говорить: не командуй! А что это значит для нас с тобой? Это значит, что я теперь слова не могу никому сказать. Так или нет? Так или нет, я говорю?

Секретарь почтительно нарушил молчание:

— Вроде как и так, Савелий Петрович. Но если взять в смысле точного рассмотрения распоряжений и отношений центра, в смысле соответствующих циркуляров и разъяснений, то может получиться и обратная картина.

— Где же она обратная? Никакая не обратная, а самая, что ни на есть, понятная. Ты возьми прямо суть. Что сказано? Сказано — не командуй. Теперь, предположим, приходит ко мне... ну, Сенька Самохин, что ли? Вообще, какой-нибудь вредный человек. Приходит и начинает тут говорить, что вы сукины дети и почему мне лесу не дали. Что я—могу его по нужде по уху двинуть? Нет, не могу! Словами, говорят, воздействуй! А ежели он слов моих не понимает! Ну?

Секретарь попробовал раскрыть рот, но Кулаков нетерпеливо махнул рукой:

— погоди! Вот, скажем, такой случай. Возьми ты какое ни на есть собрание. Как мы его делали? Заготовим повестку, огласим, поговорим там, сколько надо для приличия—и все тут. И все уж так и знают, что ежели что Кулаков предлагает—это значит—закон. А теперь что? Говорят, надо оживлять и втягивать. Теперь, выходит, я каждому дураку должен разъяснить, почему, да отчего, да как. Да не хотите ли мне, вашему

начальству, вопрос задать. Да не хотите ли меня облаять. Видишь, какой оборот получается... А уж я наших мужиков знаю. Им волю только дай,—и крышка. Тогда уж грош тебе цена. На одну ногу с тобой встанут. Почему, скажут, он на лошадях в город катается, почему у него лаковые сапоги, почему то, почему се? Нет, брат! Крышка теперь! Надо в кооперацию подаваться.

И Кулаков сплюнул.

Секретарь чиркнул карандашиком и заговорил:

— Неправильно, Савелий Петрович. То-есть, как вам сказать, вроде как бы и правильно, но вместе с тем и наоборот. Видите, упустили вы в порядке инструкции и разъяснения одно словечко. А в нем-то и вся суть. Сказано: отменяется командование и требуется руководство. Понимаете?

— Ну?

Секретарь поднял кверху карандашик, и его тонкие выцветшие губы запрыгали оживленной:

— Ну, вот и получается. Возьмите вы это самое слово. Ру-ко-вод-ство. Что оно означает? Мне по долгу службы, как я еще с мальчиков привержен к канцелярской должности, частенько приходилось вникать в суть различных непонятных слов. И вот я и тут приложил свой, так сказать, опыт. Возьмите вы, к примеру, слово скотоводство. Что это такое? Это, когда хозяин разводит, с позволения сказать,—скотину. Или садоводство, или пчеловодство — все одно. Теперь вернитесь вы к нашему словечку. Ру-ко-вод-ство. Это значит, что вы, как хозяин, распространяете везде свои руки. И этими руками водите все, что вам захочется. Одним словом, рука—владыка. Что же касается втягивания, то тут совсем просто.

— Ну?

— На этот предмет имеется аппарат волмилиции. Тянуть—это уж их дело. Но соответствующую бумажку составить не мешало бы.

И секретарский карандашик забегал быстро и весело.

Вас. Лебедев-Кумач.

ВИДНО В БОК

НЕ ВИДНО, НЕ СЛЫШНО.

Подписчик газеты «Радио-Новости», П. Злоказов, жалуется, что он подписался на газету с 1 августа — и до 16 октября не получил еще ни одного номера. Не волнуйтесь, тов. Злоказов. Это, очевидно, последняя новость радио: газета без бумаги, без доставки и в самом непродолжительном времени также... без подписчиков.

КАДРИЛЬ С ДЕЛЕГАТКОЙ.

Из протокола № 47 партячейки аула Бжедугхабив, Адыгейской области:

СЛУШАЛИ:

Выработка плана на перевыборы делегатов.

ПОСТАНОВИЛИ:

В воскресенье, т.-е. 4 октября, вечером провести танцевальный вечер, на котором провести перевыборы.

Бжедугхабивцы, на первый раз вам простительно. А в следующий раз, чтобы перевыборы делегатов протекали полнее и содержательнее, необходимо вам постановить: лучшая исполнительница танцев получит альбом и будет выбрана делегаткой. Тогда уж, конечно, к вам ни с какой стороны не придерешься.

ЛУЧШЕ ПОЗДНО...

Хотя, конечно, сейчас и поздно публиковать протоколы от мая месяца, но лучше поздно порадовать читателей, чем никогда.

Из протокола № 34 заседания президиума Сысольского уполкома от 8.V—1925 г.

СЛУШАЛИ: Заявление заведующих Межадорской, Ибской и Кыкашорской совстанций об удлинении срока периода распутицы до 1 июня.

ПОСТАНОВИЛИ: Срок периода распутицы продлить до 20 мая.

Небольшая просьба к президиуму Сысольского уполкома: нельзя ли зиму совсем по боку? Ну ее к чорту! А на ее месте — какой-нибудь июнь. Сделайте милость, постановите. Что вам стоит!

МНОГО ЛИ ЧЕЛОВЕКУ НУЖНО...

Нам сообщают про такую несправедливость:

«Областной архив Коми автономной области, при представлении проекта своей расходной сметы на 1925—26 бюджетный год в областную бюджетную комиссию, указал «расход на вывоз 20 бочек нечистот», при наличии в Обархиве всего 4 сотрудников. Жестокая бюджетная комиссия приняла лишь 2 бочки, указав, что, по утвержденной Наркомфином норме, на каждого сотрудника полагается лишь ½ бочки в год».

Это, действительно, неправильно. Разные бывают сотрудники.

БОЛЬШАЯ ПОТЕРЯ.

В газете «Красный Крым» в отделе объявлений от 29.IX—25 г. напечатано:

«Утерян пятилетний рабочий стаж, выданный союзом Пшцевкус на имя Л. Е. Трофименко».

Срочно сообщите, как выглядит пятилетний стаж, какого он роста и есть ли у него особые приметы.

НЕМНОЖКО ПООТСТАЛИ.

На станции Томск вывесили не так давно объявление об утрате дубликата гр. Маторовой, которое заканчивалось так:

«Если не будет заявлено другим лицом, то на основании постановления Господина Министра Путей Сообщения от 2 марта 1894 г. за № 7639» и т. д.

Сообщаем томским конторщикам свежую новость: 7 ноября 1917 года в России произошла революция, после которой Господин Министр Путей Сообщения был отменен. Путями сообщения управляет теперь нарком Рудзутак. Просим не смешивать. А вообще сообщите — в курсе ли вы событий, происшедших после 1894 г.?

СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ.

Вот что нам пишут:

«Омская махорочная фабрика установила для Сибири цену за осьмушку табака 7 коп., а для России — 6 коп.»

И правильно: со своими нечего церемониться. 7 коп. — это даже мало. Хорошо бы с них по гривенничку слупить!

ДЕРЕВЯННЫЕ ИЛИ КАМЕННЫЕ.

Строительный отдел устроил в шахте «Нарком» на Кадиевском руднике деревянный коридор. Затем передумал: решил устроить каменный коридор. Деревянный коридор сломали, а нового не построили.

Это уже получается не Стройотдел, а Расстройотдел.

СЛУХАМИ ЗЕМЛЯ ПОЛНИТСЯ.

Инструктор Иваново-Вознесенского Губотдела союза текстильщиков тов. Порецкая, обследовав библиотеку Середской объединенной мануфактуры, в заключение пишет:

«Начаты громкие чтения, организован уголок Ленина и, в общем, отзыв о Середской библиотеке, как слышно в Иваново, хороший».

А что еще в Иваново слышно? Не слышать ли чего-нибудь про Чемберлен и вообще? Как услышите что-нибудь этакое интересное, черкните.

ДЕЛО — ТАБАК.

Агроном школы крестьянской молодежи, села Переяславка, Хабаровского округа, Волейко В. Ф. (член РКП), ввел такой порядок: за каждый мат, сорванный с его собственных уст, он платит 1 рубль, а курсанты по 10 коп. Все эти деньги поступают на покупку табака, подлежащего коллективной раскурке.

Милые мои! Да разве ж можно так много курить!.. Ведь, насквозь прокоптитесь!

Рис. А. Р.

ШИРОКИЙ РАЗМАХ.

Профессиональный союз рабочих водного транспорта на 25 октября собрал районный съезд и вот какую повестку дня загнул:

1. Международное и внутреннее положение СССР. 2. Доклад Ц. К. водников. 3. Отчет Райкомвода. 4. а) Ревизионная комиссия. 5. Доклад Правления ВГРИ. 6. Доклад Управления ВВПВБ. 7. Округ культуры (тезисы). 8. Тарифно-экономическая работа. 9. Доклад страхкасы. а) Содоклад Воздздравотдела, б) содоклад Ревизионной комиссии. 10. Доклад инспектора труда. 11. Перспективный доклад Учвода. 12. Выборы Райкомвода а) Ревизионная комиссия. 13. Выборы страхкома, а) Ревизионная комиссия. 14. Выборы Интрудвода. 15. Выборы на Всесоюзный съезд водников. 16. Разные.

Пожалуй, этой повестки не на один день, а на все время оживления профсоюзов хватит!

ВОЮЕМ, ВОЮЕМ.

Демобилизованный красноармеец Смирнов был направлен на работу в Солигаличский райсоюз, но там ему отказали в приеме, заявив, что кладовщик должен быть обязательно партийным. В результате на это место «устроили» знакомого — беспартийного Иванова.

Райсоюз рассуждает так: повоевал человек, теперь и отдохнуть пора. Райсоюз тоже воюет: с декретами Совнаркома. А от такой войны можно отдохнуть, даже не успев переутомиться...

ДЕШЕВО И СЕРДИТО.

Конторщик шахты «Нарком», на Кадиевском руднике в Донбассе, Морозов, так кричит на рабочих, что мороз их по коже пробирает.

Жаль, что зима уже на носу. Можно было бы использовать Морозова для дешевого изготовления искусственного льда.

МЫ КУЗНЕЦЫ...

«Тульский Коммунар» дает чрезвычайно оригинальные заголовки, вроде таких: «Куюм красную музыку», или того лучше: «Куюм красную учительницу».

Хорошо кует редакция. Не мешает и ее подковать... на все четыре ноги

АЛТАЙСКИЕ ПРОКУРАТЫ.

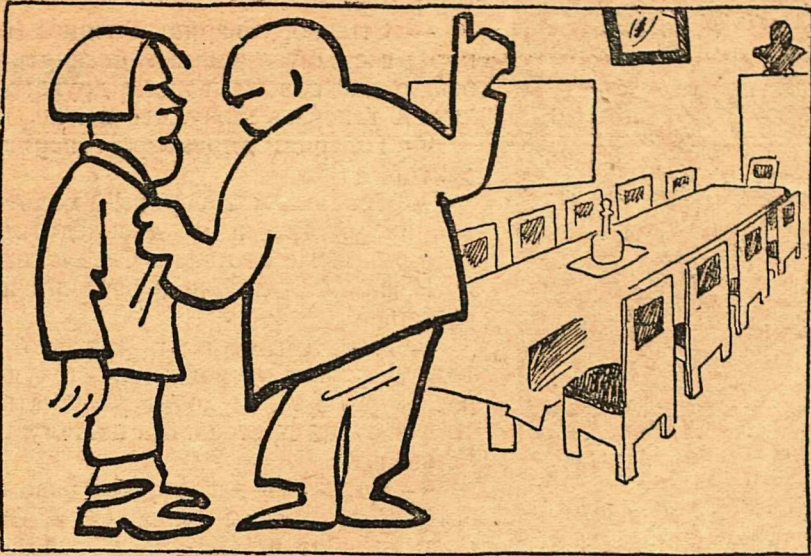
Сколь развита общественность на Алтае — об этом свидетельствует выписка из протокола заседания месткома Алтайского губсуда и губпрокуратуры.

СЛУШАЛИ: О стенгазете (докладчик т. Чернов). Он указал, что стенгазета не выходит потому, что в редакцию никаких материалов не поступает.

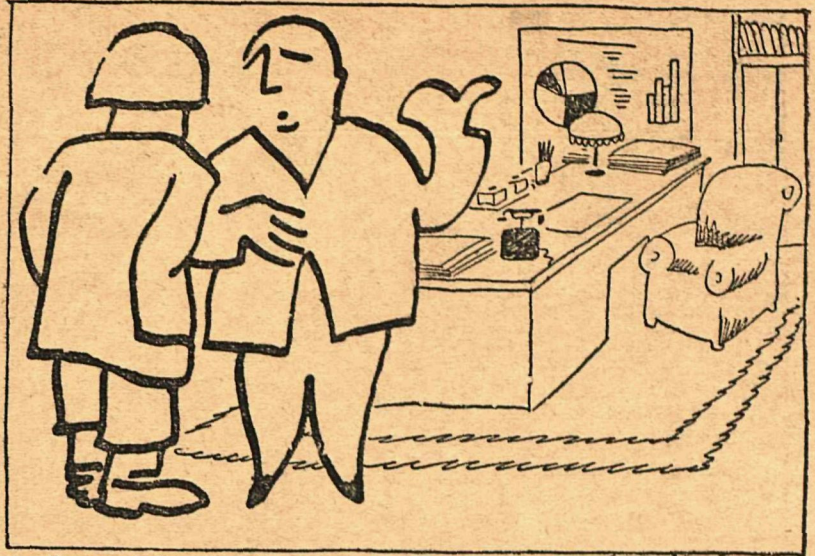
ПОСТАНОВИЛИ: Принимая во внимание систематическое невыхождение газеты, предложить редколлегии: выделить из сотрудников нашего коллектива стенкорреспондентов, а пока привлечь писать сотрудников в административном порядке.

А если и это не поможет, то с виновными нечего церемониться. Увольте их безо всяких компенсаций! Небожь, тогда, каналы, запишут!

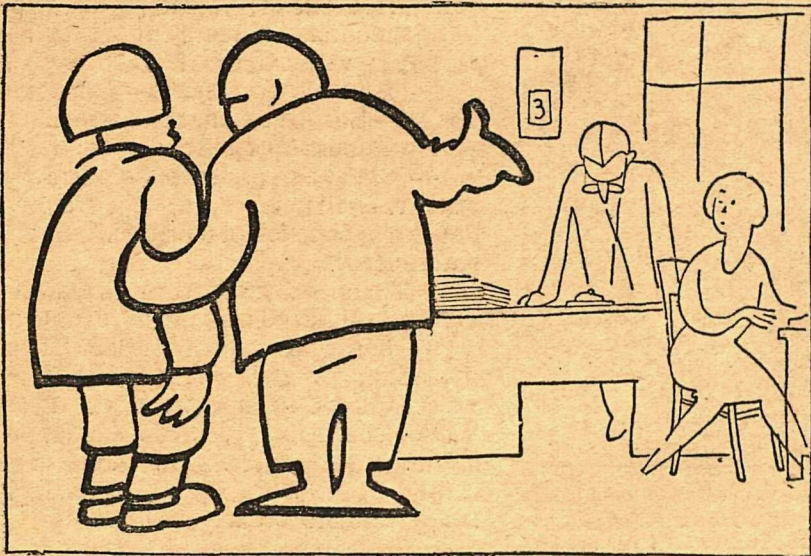
ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ВЫДВИЖЕНЦАМ.

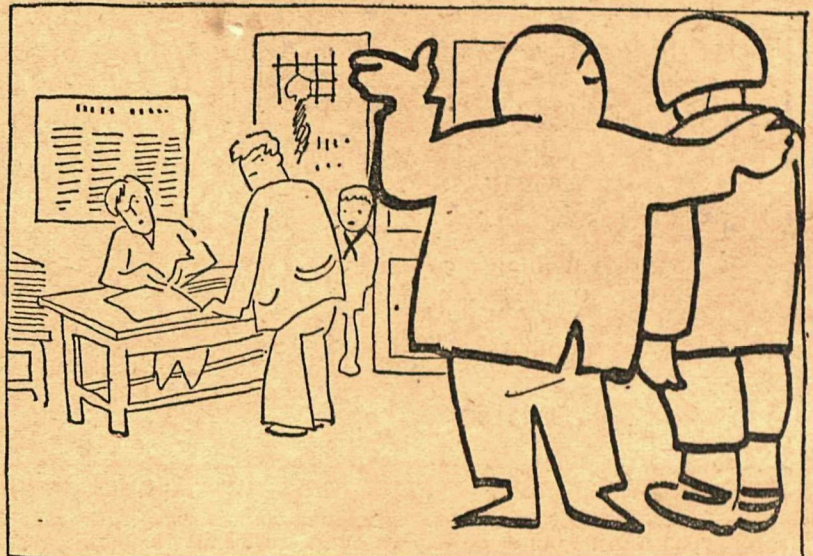
ЗАВ: — Дорогой товарищ, я вас, как выдвиженца, введу в курс дел нашего учреждения. Вот здесь зал заседаний коллегии.

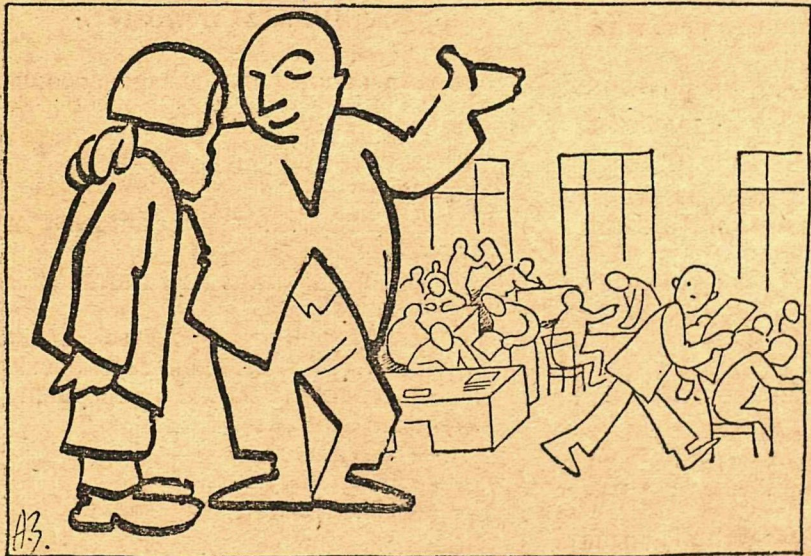
— Здесь кабинет мой и моего заместителя...

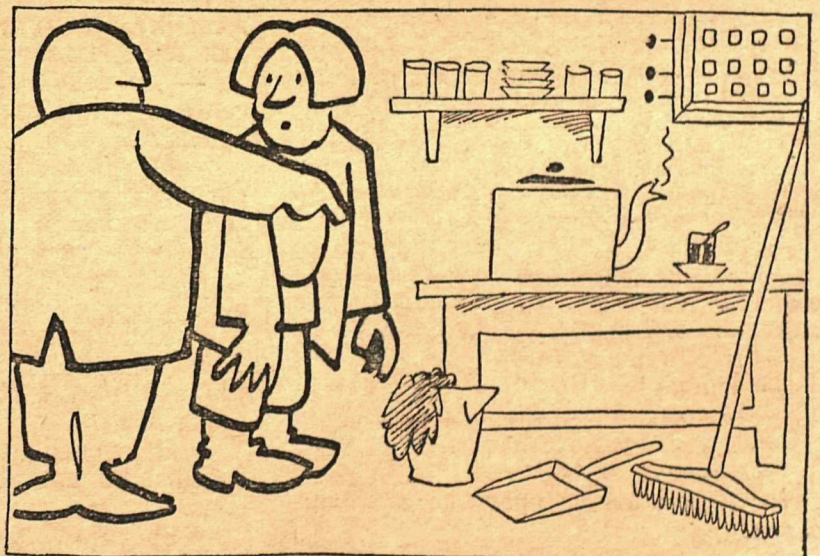
— Здесь секретариат и управление делами.

— Здесь местком и ячейка.

— Тут общая канцелярия...

— А в этой комнате будете работать вы. Тут для вас приготовлены все принадлежности.

СТРОИТЕЛИ.

Из далекого Семипалатинска в Москву поступила горькая жалоба:

«У нас заврабмед т. Савельев широко пользуется своим положением для устройства родных и знакомых. Отлично устроил свою жену, еще лучше устроил некоего завхоза Корнблита, который получил даже при помощи Савельева диплом врача...».

Вот, и в Семипалатинске жизнь достигла довоенного уровня: кумовство и протекция на все сто процентов старорежимные. Крепи производство, ребята!

ВОТ КАКАЯ МУЗЫКА.

В Ульяновской милиции администрация выписала муку и мануфактуру с рассрочкой на 3 месяца, но в списки включила только административный персонал. Низшие служащие, наиболее нуждающиеся, ничего не получили.

Администрация все поделила поровну: себе взяла муку, а другим оставила муку. Разница здесь чисто слуховая, но в Главмилиции сидят, кажется, довольно музыкальные люди. Авось, услышат.

НИЧЕГО НЕ УМЕЮТ.

Из Таганрогского округа, из слободы Весело-Вознесенской вызывают о помощи:

«Правлению Е. М. П. О. невыгодно заключать колдоговор со служащими в райместком с профуполномоченным слит непробудным сном заколдованной царевны. Крокодилушка, голубчик, разбуди мешающую царевну, пусть не дрыхнет, окаянная».

Нашли себе будильник царевен будить! Такой царевне хошь колдоговор на голове теши — не проснется.

КООПЕРАТИВНАЯ КРЫСА.

— Граждане ревизионная комиссия, да что же это такое! Правление выписало на крыс тридцать пудов муки,—а мы всего-то съели четыре пуда с небольшим... Где остальные пуда?

ОСОБЫЙ ПОДХОД.

Директор Мелтреста в г. Белгороде обвинил 3 рабочих кирпичного завода им. Зиновьева в итальянской забастовке и пригрозил им тюрьмой за то, что они не пожелали выдать расписки в том, что никаких претензий к тресту не имеют. (Из корреспонденции).

Директор нажал два раза кнопку, и в кабинет, как из автомата шоколадка, влетел и согнулся в серп секретарь:

- Что прикажете?
- Спичку!
- Больше никаких приказаний?
- Впускайте посетителей.
- Слушаю.

В кабинет вошел председатель охраны труда.

— Вот, товарищ, какое дело, — обратился он к директору.—У нас в конторе до сих пор нет вентилятора. Между тем, окна не открываются. Сотрудники жалуются—дышать нечем. Я вам об этом в письменной форме писал и три раза говорил, но... безрезультатно. Необходимо поставить вентилятор...

— Все? Кончили?—спросил строго директор.

— Да. Только об этом и хотел просить вас...

— Так, так, так. И это называется—председатель охраны труда. Так-то вы охраняете время вашего ответственного товарища, поставленного на пост директора высшими органами? Я хочу сказать: глупостями вы занимаетесь,

вот что! Врываетесь в кабинет к перегруженному, ответственному работнику,—и для чего? И для чего?

— Да ведь тут пустяки. Необходим вентилятор. Наложите резолюцию, и кончено...

— Ха-рошие пустяки! Председатель охраны труда заботится о мелкой буржуазии! Сегодня о мелкой, а завтра о крупной,—так и пойдет...

— Да при чем тут буржуазия, это наши служащие—контрорщики, счетоводы.

— Значит, по-вашему выходит, они—пролетариат? Да? Ого, куда загнули! Собственно, вы, товарищ, с какого года в партии?

— Да, товарищ директор, я исключительно в интересах наших сотрудников...

— Бросьте, бросьте оправдываться. Идите, совестно... Следующий! О чем будем говорить?

— Да вот какое дело, рассыльный я. Из месткома послали к вам. Сверхурочные мне полагаются—5 р. 71 коп. Уж 3 месяца хлопочу. Вот послали к вам за резолюцией. Без вас не решаются выдать.

— И правильно делают. А вот вы, как ваша фамилия?

— Бедров Александр...

— А вот вы-то, Александр Бедров, поступаете неправильно. Более, чем неправильно. В то время, как сейчас в Европе капитал стабилизируется, когда франк падает, золотый падает... Вы своими эсеровскими действиями хотите сокрушить наш червонец. Подтачиваете!..

— Да ведь должны мне 5 руб. 71 к., так я что...

— Стыдно, товарищ, стыдно! До сих пор я вас считал честным беспартийным, был о вас совсем, совсем другого мнения. А теперь я вижу, что вы шкур...

— Товарищ директор, товарищ директор..

— Теперь уж товарищ! Уходите, голубчик, уходите и не дискредитируйте Нехорошо. Не ожидал... Следующий!

В кабинет вошли 3 рабочих и бухгалтера.

— Вот эти товарищи,—сказал бухгалтер, указывая на рабочих,—получив у нас 15 р. 05 к., не хотят расписаться в том, что они претензий к нашему тресту не имеют.

— Конечно,—заговорили разом рабочие,—как же мы распишемся? Выходного пособия не выдали, в праздничные дни работали—не выдали. Как же так мы распишемся? У нас есть претензии...

— Претензии!—взвизгнул директор и подскочил.—Имеете претензии к советскому учреждению? Да?!

— Да не в том дело,—возразили рабочие.—Ведь, не заплатили-то нам...

Но директор гремел:

— Вы знаете, что вы этим поступком делаете?! Вы, черт знает, что делаете! Вы—итальянские забастовщики! И больше ничего!..

— Товарищ директор, какие же мы забастовщики? И вовсе не итальянцы...

— Без всяких разговоров. Товарищ бухгалтер, будьте свидетелем и сбегайте сейчас же за предместкомом. Немедленно, сию минуту, пусть двинет вопрос по профлинии. А я, со своей стороны, ваше поведение буду рассматривать, как уголовно наказуемое!..

— Товарищ директор, помиуйте... Как же так?.. Мы можем и подписать... Да разве нам жалко, что ли...

Директор нажал два раза кнопку. В кабинет, как из автомата шоколадка, влетел и согнулся в дугу секретарь:

- Чего прикажете?
- Спичку!
- Пжалте. Больше никаких приказаний?

— Много еще там посетителей?

— Человечка три.

— Больше не пускать. Скажите—завтра. А то я сегодня из сил выбился. Ну, и денек! Не на кого совершенно надеяться. Ступайте.

- Слушаю.
- Тссс, потухла...
- Пжалте...

Б. Левин.

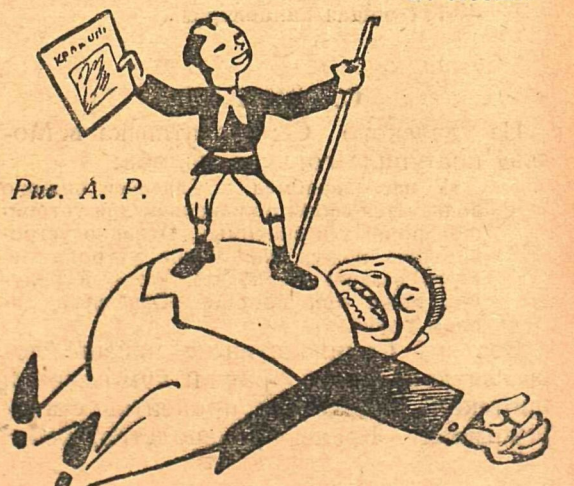

Рис. А. Р.

В С У Б Б О Т У .

(После получки).

Рис. К. Ротова.

Отец пришел.

Рис. И. Малютина.

Гражданин! Когда ты выбираешь сапоги в кооперативе—ты помнишь, что дело идет о вещи, касающейся тебя. Ты выбираешь внимательно, чтобы сапог не жал, не развалился и, вообще, хорошо сидел.

Поступай так же, когда выбираешь правление кооператива. Помни, что дело идет о вещи, касающейся тебя. Выбери внимательно, чтобы правление не жало, не развалилось и, первое всего, чтобы ему не пришлось сидеть.

ОТГОРОЖЕННЫЕ ПРОТОКОЛОМ.

Инструктора губотдела (по случаю перевыборов) принимал сам предзавкома.

— Ну, а как у вас в смысле активности? Вовлечения? Охвата?

— О, на этот счет беспокоиться не приходится. Активность и охват на 125%.

— Даже?

— Безусловно. Потому — из перегрузки не вылазим.

— А как у вас отдельные вопросы, — например, о производственных совещаниях?

— А вот, извольте. Протокол № 18, пункт 3: «...проводить в жизнь все постановления производственных совещаний, каковые собирать не реже»... Тебе чего, Кукишев? Разве уже перерыв, что ты не в цехе?

Вошедший рабочий угрюмо отозвался:

— Какое... До гудка еще с час будет... Только опять струмента не хватает, вот я и гуляю. И когда же, товарищ Скипидарский, у нас поговорят об этом? Хоть бы совещание какое сделали! А то очередь на молоток—7 человек, а работа стоит!..

— Ну, ладно, ладно. Ты ступай, брат Кукишев. Видишь, мы заняты с товарищем из центра. Еще что вас интересует?

— Как у вас с бытовыми условиями? Жилищный вопрос, кооперация...

— По жилвопросу мы имели суждение... как будто в протоколе № 37... Вот: «...постановили: подойти вплотную к практическому разрешению вопросов жилищного строительства». Так-то. Кстати, товарищ Чимбасов, вам ближе: суньте эту панку в шкаф, а там возьмите другую, с материалами.

— В этот шкаф? Что за чорт! Почему здесь белье, чайник... подушка?...

— Видите ли, это один товарищ тут живет, в помещении завкома: недавно переведен, а поместиться негде.

— Понятно. Так что, вы говорите, с кооперацией?

— А вот. Протокол № 43, пункт 8: «...усилить подготовительные работы по организации кооператива...». Ты за чем, товарищ Груздь?

— Нельзя ли сверточек здесь оставить? У нас в корпусе негде.

— Оставь. Только, что это от него запах такой?

— Да селедок купил у Густосоева в лавке. Уж известное дело — тухлятины подложил. Будь бы у нас кооператив, тогда другой разговор...

— Гм... Да-а.. Только ты нам не мешай, товарищ Груздь; мы тут работаем. На чем, бишь, мы остановились?

— Именно: остановились. Вот, как еще у вас женработа?

— Женработа. Протоколы № 53 и 57: «...всемерно поднимать общественно-политический уровень работниц»... Словом, уделяли большое внимание. В чем дело? Кто там?

— Товарищ Скипидарский, да нешто так можно? Работаешь, что твой мужик, а платят наполовину! и за переработку не отдано!.. Да где-ж это видано?!.. Да у нас при царском ржиме...

— Тише, товарищ Примочкина, как вы недисциплинированы! Я работаю с товарищем инструктором, а вы врываетесь и мешаете! Поставьте вопрос на повестку, в порядке инстанций, у нас тоже есть кой-какие постановления, и мы, конечно...

Работница машет рукой и с силой захлопывает дверь:

— Та-ак... Дальше что вас интересует? Хотите, например, вопрос о шефстве?

— Давайте шефство.

— Итак: протокол № 65, пункт 11: «...закрепить связь с подшефной деревней. Поставить перед собой задачу реализации смычки между заводом и крестьянином. Продолжать курс...»

— Угу. Ясно. Еще что можете показать из проделанной работы?

— Вот еще о ликвидации безграмотности. Протокол № 89. Без пункта: «...урегулировать вопрос о ликвидации безграмотности в ближайшее время...» Кто там еще прется? Не видите, разве, написано: прием с 1 до 3.

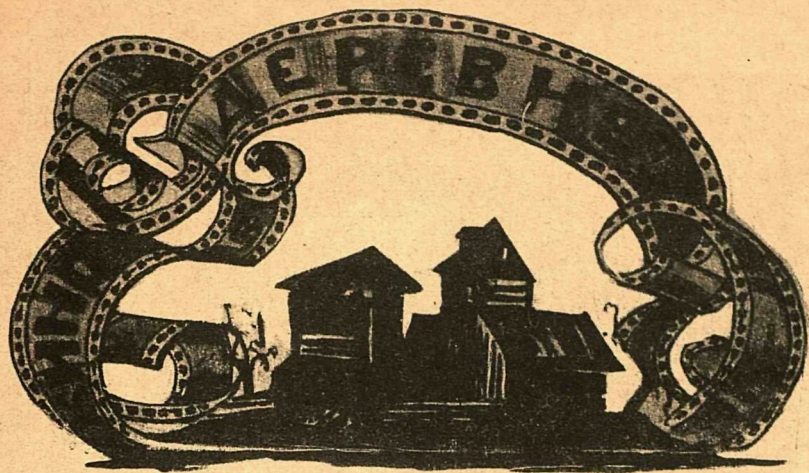
— Мы этого знать не можем. Потому — неграмотные мы. А надоть нам в завком.

— Попозже зайдете! В указанные часы.. Ну-с, еще что вас интересует?...

— И понимаешь, странное дело, — заканчивает свой рассказ товарищу инструктор, — жизнь сама по себе, а они сами по себе. Точно отгороженные каким-то частоколом...

— Не частоколом они отгорожены, — а протоколом, — говорит товарищ, — и отгорожены крепко.

В. Ардов.

Бывший купец 2-й гильдии, Ермил Ферапонтьевич Спаржа, в прошлом содержатель двух трактиров, мучного лабаза и кинематографа «Гигант-Колибри», а в настоящее время единственный владелец большого кинопроизводственного коллектива, вызвал к себе своего помощника по идеологической части Канифолина и долго объяснял ему:

— Понимаешь ты, картину для деревни требуют... Вот ты мне и сообрази к новому выпуску, чтоб э... э... без особо обнаженных проблем... без особой, этой, как ее бишь... психологии и без особых расходов по постановке...

— Есть такое дело, сообразим...

— Агитку... Это, брат, самое страшное, потому туда... (тайнственный взгляд в сторону Политпросвета) вызвали и сказали: «Довольно тухлятинкой кормил, пора и для деревни настоящую картину сделать из нового советского быта, надо, говорит, и кинематографу лицом к деревне стать... Да... а как его тут стать... не придумаю... Ну, да мы какой-нибудь из забракованных сценариев приспособим, надписей революционных побольше, вот и вылезем... Главное, надписей побольше... Уж чем, чем, а надписями советская кинематография похвастать может... Приспособим для этого дела Лешку, что механиком у нас во «II Интернационале» служил...

— В третьем...

— Нет, во втором, потому, как на вывеске палочка одна отскочила, так стали все называть «II Интернационал»... Еще в конторе меня потом дразнили: «Эй, ты Амстердам!»... Так вот для деревни агитационную, понимаешь, так вот чтоб в 3 недели и готово...

— Есть, Ермил Ферапонтьевич не беспокойтесь...

На просмотр картины для деревни пришли какие-то лица, и перед одним из них Спаржа особенно юлил, так как о строгости его много наслышан был...

Краткое содержание картины таково... Называется она: «Любовь селькора Громова, или в когтях империализма, который есть новейший этап капитализма»... Селькор Громов что-то пишет. Вокруг него книги: Ленин, Плеханов, Маркс. На стене портреты вождей... Входит дочь председельсовета Наташа, на ней платье с нарисованными серпами и молотами... Громов намеревается поцеловать Наташу, но она строго останавливает его движением руки, направленной к одному из томов Ленина...

— Ты еще не дочитал «Кто такие друзья народа»... Врывается пьяный сын деревенского кулака, ударом которого он сбивает с ног Громова и насилует Наташу... Громов прижимает к себе одну из книг и говорит:

Берите все, что хотите, только оставьте мне политическую экономию Бердникова и Светлова, мне еще по ней зачеты надо сдавать.

Хулиган бежит в сельсовет, набрасывается на дежурного, тот защищается... Драка... Надпись: «Физкультура — залог здоровья трудящихся»... Дежурный сельсовета теряет силы, хулиган его убивает, взламывает кассу, ограбляет ее и делает ложный донос председельсовета на Громова, обвиняя его в ограблении кассы... Громова арестовывают... Он просит тюремного надзирателя снести письмо Наташе, надзиратель требует деньги... У Громова мало денег, а надзиратель хочет много... Между ними торговля... Надпись: «Внутренняя торговля способствует росту экономического состояния пролетарского государства». Надзиратель соглашается и относит Наташе письмо, в котором Громов просит, чтобы она занесла в его партийную анкету новую строку в графе о репрессиях за революционную деятельность... Наташа сообщает секретарю парткома о кознях кулацкого сына и судьбе Громова... Секретарь парткома и Наташа освобождают Громова из заточения, кулацкий сын кается в своем поступке, заявляет о желании вступить в ряды РКП, выдает скрывающихся в селе агентов империализма, все берется за-руки и поют крупным планом Интернационал...

— Ну, что скажете, — обратился Спаржа к присутствовавшим на просмотре. — Какова получилась агитка? А? Пальчики оближешь...

А через неделю Спаржа ходил с победоносным видом, потирал руки и, лукаво подмигивая Канифолину, говорил:

— Слышал, в Наркомпросе обещают к ордену трудового знамени представить, потому, говорят, правильно лицом стал...

— Куда стал?

— К деревне, к деревне лицом, с кинематографической точки зрения, правильно стал... Вот бестолковый!...

А еще через неделю Спаржа стал спиной к кинематографу. Лица на Спарже не было. Было сердитое свиное рыло вместо лица.

Г. Холмский.

ПРИНИМАЕТСЯ ОТДЕЛЬНАЯ ПОДПИСКА на еженедельник сатиры и юмора

ЦЕНА 12 коп.

„К Р О К О Д И Л“

ЦЕНА 12 коп.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ 45 коп. в месяц.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: МОСКВА, ОХОТНЫЙ РЯД, 7, Тел. 4-85-62.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в Главной Конторе „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“ — Москва, Тверская, 3.

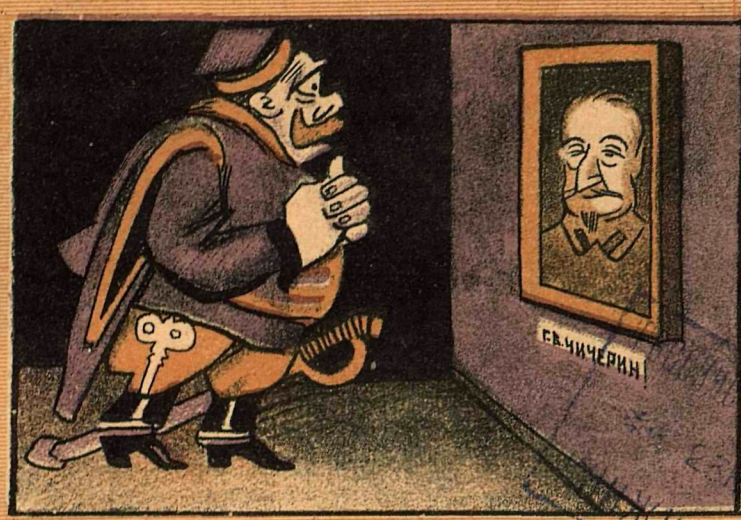
2.0802

18852

742

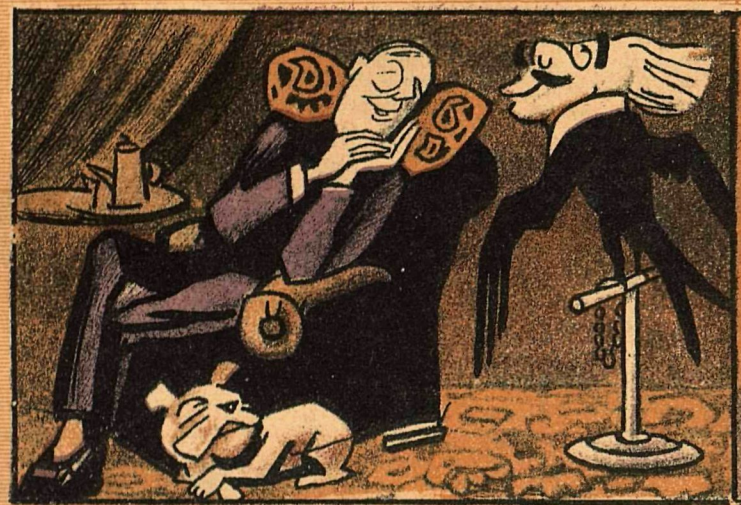
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕСЕННИК. (Что и как поется и по какому случаю).

Рис. А. Радакова.

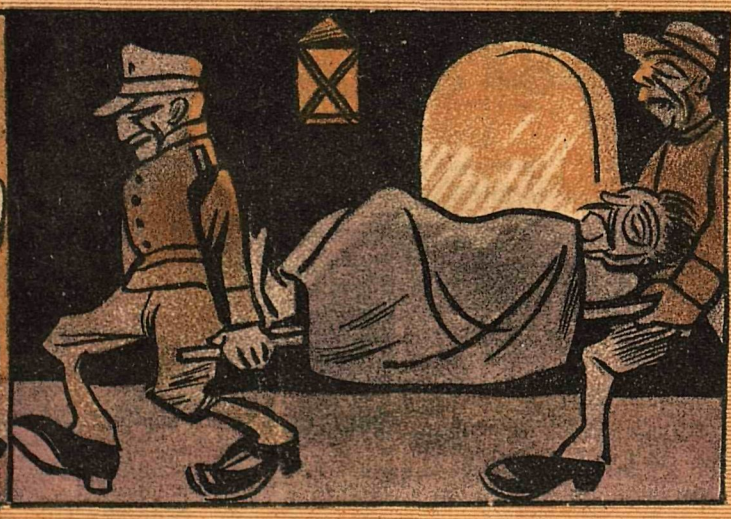
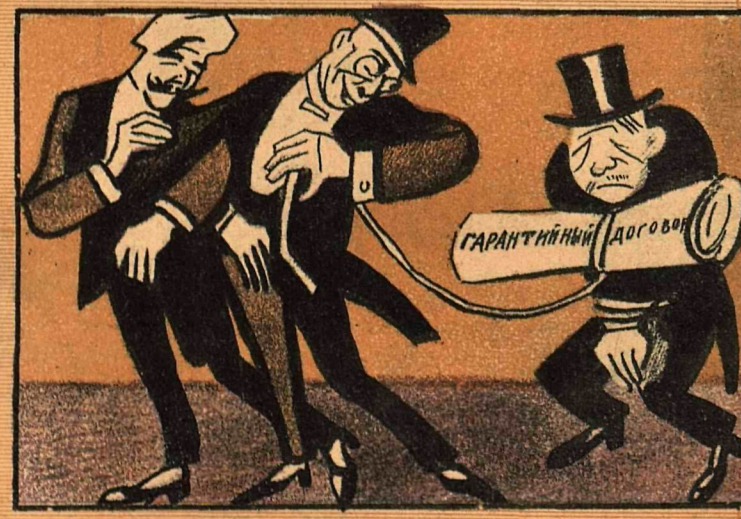
1. ПОЛЬША и СССР.
— Обидно, досадно, до слез, до мученья,
Что в жизни так поздно мы встретились с тобой...

2. ФРАНЦУЗЫ В СИРИИ.
— Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету.

3. МАКДОНАЛЬД ПРИ ЧЕМБЕРЛЕНЕ.
— Пой, ласточка, пой,
Сердце успокой.

4. БЕЛАЯ ПЕЧАТЬ.
— Есть у нас легенды, сказки—на!

5. ПОСЛЕ ЛОКАРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.
— Только знает ночь глубокая,
Как поладили они.

6. РУМЫНСКАЯ СИГУРАНЦА.
Вырыта заступом яма глубокая.